

Фрида
Кало

Собранная по осколкам

Амфора-Пресс, 2011

Они думали, что я сюрреалистка, но я не
была ею. Я никогда не писала снов. Я писала
собственную реальность.

Фрида Кало

4 Юность
художницы

10 Катастрофа

17 Встреча с Диего

23 Живопись

28 Тяжелые годы

30 Оставшееся
на память

Юность художницы

«На запотевшем стекле я пальцем рисовала дверь и через эту воображаемую дверь, полная радостного нетерпения, ускользала из комнаты. Я направлялась к молочной лавке Пинсона. Пройдя сквозь букву «О» на вывеске, я спускалась к центру земли, где меня всегда поджидала «воображаемая подруга». Я уже не помню её лица, не помню, какого цвета у неё были волосы. Но помню, что она была веселая, много смеялась. Негромким смехом. Она была ловкая, танцевала так, словно ничего не весила. А я танцевала с ней и рассказывала ей все мои секреты...»

(Из дневника,
воспоминания о детстве)

Фрида Кало родилась в семье немецкого еврея и испанки американского происхождения. В 6 лет перенесла полиомиелит, после болезни на всю жизнь осталась хромота, а её правая нога стала тоньше левой (что Кало всю жизнь скрывала под длинными юбками). Столь ранний опыт борьбы за право полноценной жизни закалил характер Фриды.

В 15 лет она поступила в «Препараторию» (Национальную подготовительную школу) с целью изучать медицину. Из 2000 учащихся в этой школе было всего 35

Фрида в кругу семьи

девушек. Фрида сразу же заработала авторитет, создав с восемью другими учащимися закрытую группу «Качучас». Её поведение часто называли эпатажным.

В Препаратории произошла её первая встреча с будущим мужем, известным мексиканским художником Диего Риверой, с 1921 по 1923 работавшим в Подготовительной школе над росписью «Созидание».

В 1925 году 18-летнюю девушку настиг новый удар судьбы. 17 сентября на перекрестке у рынка Сан-Хуан в автобус, в котором ехала Фрида,

врезался трамвай. Один из железных обломков вагона проткнул Фриду насквозь, на уровне таза, и вышел через влагалище. «Так я лишилась девственности», – говорила она. После аварии ей рассказали, что ее нашли совершенно голой – с нее сорвало всю одежду. Кто-то в автобусе вез пакет сухой золотой краски. Он порвался, и золотой порошок покрыл окровавленное тело Фриды. Из этого золотого тела торчал кусок железа. Когда его вытаскивали, Фрида, говорили, так кричала, что ее голос перекрывал sireны машин Красного Кре-

ста. У нее был в трех местах сломан позвоночник, переломаны ключицы, ребра, тазовые кости. Правая нога сломана в одиннадцатипяти ме-

ступня раздроблена. Месяц Фрида лежала на спине, закованная в гипс с головы до ног. «Меня спасло чудо, - рассказывала она Диего. - Потому что в больнице по ночам вокруг моей кровати танцевала смерть».

Еще два года она провела, затаенная в специальный ортопедический корсет. Первая запись, которую она сумела сделать в дневнике, была: «Хорошо: я начинаю привыкать к страданию». Чтобы не сойти с ума от боли и тоски, девушка решила рисовать. Родители сколотили ей специальный подрамник, чтобы она смогла рисовать лежа, и прикрепили к нему зеркало - чтобы было кого рисовать. Двигаться Фрида не могла. Рисование так увлекло ее, что однажды она призналась матери: «Мне есть ради чего жить. Ради живописи».

Едва окрепнув, Фрида решила показать свои работы настоящему художнику. Великий Диего Ривера, над которым она подшучивала в школе, был единственным живописцем, которого она знала. Она не боялась, что он скажет ей, что ее работы никуда не годятся. Она вообще уже ничего не боялась. Первой прогулкой, которую она совершила, когда смогла ходить, была поездка на автобусе на рынок Сан-Хуан.

С каждым днем Диего все больше привязывался к этой маленькой хрупкой девушке - такой талантливой, такой сильной.

Портрет моего отца, 1951

21 августа 1929 года он сделал ей предложение. Ей было 22 года, ему – 42.

Отпраздновать событие собрались многочисленные друзья молодых, среди них – известная фотохудожница, истовая коммунистка Тина Мадотти. Молодая, красивая, талантливая, она сыграла большую роль в жизни Фриды: познакомила с современным искусством и литературой, вовлекла в политику, заразив коммунистическими идеями, и, как говорили, приобщила к лесбийским отношениям. Тут были и подружки жениха, причем некоторые из них весьма непочтительно отнеслись к очередному увлечению их любвеобильного приятеля. Ривера здорово напился на своей свадьбе и почти забыл о том, что он только что стал мужем Фриды. К тому же в дом ворвалась Лупе Марин и устроила сцену ревности. Ривера был так пьян, что, схватив чей-то пистолет, принялся палить во все стороны и даже ранил одного из гостей. Первый супружеский день закончился первым скандалом, и Фрида провела ту ночь в доме ро-

«VIVA LA VIDA!»
(«Да здравствует жизнь!»)

Портрет моей сестры Кристины, 1928

дителей. Утром, проспавшись, Диего приехал к ней, умолял простить, и, конечно, она простила его.

В 1930 году супруги Ривера отправились в Нью-Йорк, а затем в Сан-Франциско, где Диего ждал большой заказ. Первый раз он ехал за границу с женщиной – обычно он уезжал из страны один, сбежал, чтобы разорвать наскучившую связь. В Америке Фрида и Диего принимали как самых дорогих гостей, приглашали на концерты, писали о них в газетах. «Рядом с мощным Диего Фрида кажется миниатюрной, но силы и красоты у нее достаточно. Она одевается как индианка, носит сандалии и на улицах привлекает всеобщее внимание» - описывал эту весьма экстравагантную пару американский фотограф Эдвард Вестон.

В 1932 году, который супруги провели в Детройте, Фрида забеременела. Ей очень хотелось иметь ребенка. Одна попытка – это было еще в Мексике – закончилась неудачей.

При ее здоровье роды могли закончиться трагически. Врачи советовали ей сделать аборт, но она решила рискнуть. Роды, как и предполагали врачи, прошли неудачно, и Фрида навсегда потеряла возможность стать матерью. Ривера назвал этот день «трагедией Фриды». Он проводил в больнице у жены долгие часы, пытаясь ее утешить. И, как много лет назад, ее спасло искусство – Диего принес Фриде в больницу холст и краски. И она снова начала рисовать. Ривера был в восторге – его Фрида становилась настоящей художницей!

После Детройта супруги переехали в Нью-Йорк, где Ривере

предстояло расписать стены в Рокфеллеровском центре. Диего, свято верующий в коммунистические идеалы, изобразил на панно коммунистических лидеров того времени, среди которых был и Ленин. Капиталист Рокфеллер этого, мягко говоря, не одобрил. Он попросил Риверу убрать сомнительных, с его точки зрения, персонажей. Ривера отказался, и тогда Рокфеллер приказал сбить уже готовые фрески. Так, шумно, со скандалом, закончилось их пребывание в США. Фрида с Диего вернулись в Мексику.

В их доме редко бывало тихо. Диего пользовался огромным успехом у женщин, всегда был окружен поклонницами и никогда не отказывал им во внимании. Сексуальная свобода была ему необходима, служила мощным творческим импульсом. Фрида безумно его ревновала. А он, взяв за правило ничего не скрывать от жены, рассказывал ей о своих увлечениях, при этом мысль о том, что она может ему изменить, приводила его в ярость. Фрида постепенно привыкла к такому положению дел, но в 1934 году Диего перешел все границы – изменил ей с ее младшей сестрой Кристиной, которая ему позировала. Двойное предательство вынести было невозможно. Фрида никому не говорила о боли, раздиравшей ее душу, единственным «документом» тех дней стала ее картина: обнаженное женское тело иссечено кровавыми ранами, а рядом, с ножом в руке, стоит тот, жестокий и равнодушный, кто и нанес эти раны. «Все-то несколько царапин», - с присущей ей иронией назвала картину Фрида. После случая с

Кристиной Фрида решила, что они с Риверой должны какое-то время пожить порознь.

Этот шаг дался Фриде нелегко. «В том, что случилось, есть и моя вина. Я не поняла, что ему нужно, я воспротивилась неизбежному» - писала она. Ривера, как казалось Фриде, не сильно тосковал по ней – он как прежде много работал и по-прежнему влюблялся в своих натурщиц. Пытаясь заставить его ревновать, Фрида отправилась в Нью-Йорк и там открыто, на виду у журналистов, флиртвала с мужчинами. Более того, пошли слухи и о ее лесбийских приключениях. В 1936 году Фрида познакомилась со скульптором Исамою Ногутти, другом Риверы. Диего наконец не выдержал: застав Фриду в обществе Ногутти, выхватил пистолет, но, к счастью, никого не застрелил.

В 1937 году в Мексику приехал Лев Троцкий с женой, и Ривера, преклонявшийся перед «трибуном русской революции», попросил Фриду приютить его в «Синем доме». Фрида еще в 1928 году вступила в коммунистическую партию, правда, через год вышла из ее рядов после исключения Диего, но оставалась верна своим убеждениям. Ее героями были вожди мирового рабочего движения: Маркс, Ленин, Мао Цзэдун. И конечно же приезд Троцкого, изгнанного из сталинской России, стал для нее огромным событием. Яркая, остроумная, обаятельная художница покорила Льва Давидовича. Он увлекся ею, как мальчишка: писал записочки, назначал свидания. Наверное, и Фрида откликнулась на его чувство. Но тут в дело вмешалась жена Троцкого, На-

талья Седова. Убедив супруга, что эта страсть не добавит ему авторитета в глазах мирового пролетариата, она настояла на том, что они должны покинуть гостеприимный, но оказавшийся столь опасным дом художников. Для непосвященных отъезд Троцких из «Синего дома» выглядел весьма неожиданным и загадочным.

Фрида наконец сумела преодолеть творческий кризис. Она много и вдохновенно работала. В 1938 году в Нью-Йорке состоялась ее первая большая выставка, которую организовал французский поэт и лидер сюрреализма Андре Бретон. На одной из вечеринок в ее честь Фриде представили Николаса Мьюрея, одного из самых модных фотографов Нью-Йорка. Страстный роман с Мьюреем дал Фриде возможность на время забыть о предательстве сестры и о Диего.

В 1939 году Фрида покорила Париж, где Андре Бретон устроил ей выставку. Одно из ее полотен приобрел Лувр. Конечно, все эти успехи грели ей душу, но ничто не могло заменить Фриде Диего. Ривера же все чаще говорил, что устал быть женатым, устал от фридиной ревности и страданий. Он считал себя революционером, а революция для него означала прежде всего свободу личности. Он не мог принадлежать одной женщине, ему были просто необходимы любовь и восхищение поклонников и поклонниц. Таких, например, как очаровательная актриса Полетт Годдар, жена Чарли Чаплина, звезда фильма «Новые времена». Полетт жила неподалеку от Диего и со свойственным ей пылом скрашивала его вечера.

Катастрофа

«Это случилось сразу после того, как мы сели в автобус. Вначале мы ехали в другом, но я заметила, что потеряла зонтик, и мы вышли, чтобы его найти; вот так я и оказалась в автобусе, который разорвал меня в клочья. Столкновение произошло на углу, перед рынком Сан-Хуан. Трамвай ехал медленно, но водитель нашего автобуса был молод и нетерпелив. Трамвай повернул - и наш автобус оказался зажатым между ним и стеной.

Я тогда была не глупа для своих лет, но, хотя и пользовалась определенной свободой, не имела никакого житейского опыта. Наверно, поэтому я не сразу поняла, что со мной произошло, какие травмы

«Ты не представляешь как мне больно, каждый раз, когда меня поворачивают в кровати, я проливаю потоки слез, впрочем, как говорится, собачьему визгу и женским слезам верить нельзя».
(Из письма к Алехандро)

«Одно хорошо: я начинаю привыкать к страданию.»
(5 декабря 1925 г.)

«Если так будет продолжаться, то лучше бы меня убрали с этой планеты...»
(6 апреля 1927 г.)

Сломанная колонна, 1944

я получила. Первое, о чем я подумала, это хорошенькая пестрая безделушка, которую в тот день купила и везла с собой. Я попыталась её найти, думая, что авария несерьезная.

Неправда, будто люди в первую минуту осознают, что с ними произошло, неправда, будто они плачут. Я не плакала. От толчка нас всех бросило вперед, и обломок одной из ступенек автобуса пронзил меня, как шпага пронзает быка. Какой то прохожий, видя, что я истекаю кровью, взял меня на руки и положил на бильярд-

ный стол, а там уже обо мне позабылся Красный Крест.

Вот так я потеряла невинность. У меня была повреждена почка, я не могла мочиться, но хуже всего было с позвоночником. Казалось, никто особенно не беспокоится. Рентгена мне не делали. Я кое как села и попросила известить моих родных. Матильда узнала о том, что случилось из газет, она первая пришла ко мне и потом три месяца сутками не отходила от меня. Моя мать месяц была в шоке, она так и не навестила меня. Когда

Без надежды, 1945

«Мне ампутировали ногу, таких страданий я не испытывала никогда в жизни. У меня никак не проходит нервный шок, в организме всё нарушилось, даже кровообращение. С операции прошло шесть месяцев, и вот, как видишь, я ещё здесь, я люблю Диего больше чем когда-либо, и надеюсь ещё быть ему полезной и заниматься живописью в полную силу, только бы с Диего ничего не случилось, потому что, если бы Диего умер, я обязательно последовала бы за ним. Нас похоронят вместе. Пусть никто не рассчитывает, что я буду жить после смерти Диего. Жить без него я не смогу. Он мой сын, он моя мать, мой отец, мой супруг. Он моё всё.»

(Из письма к подруге)

обо мне сказали сестре Адриане, она упала в обморок. А отец от расстройства заболел, и я увидела его только три недели спустя.»

«Мои картины несут в себе состояние боли. Картины заканчивают жизнь. Я потеряла троих детей. Картины заменили их всех. Я считаю, что работа — это самое лучшее»

«У меня в голове полно крохотных паучков и масса всяких мелких букашек.»

«Позволь мне сказать тебе, парнишка, что сейчас самое худшее время всей моей жизни, и я удивлена, что при этом можно жить.»

«Я не страдаю. Только усталость, и, само собой, часто охватывает отчаяние, отчаяние, которое невозможно описать словами. Очень хочется заниматься живописью. Но не так, как раньше, хочется, чтобы она приносила пользу, ведь до сих пор я только и делала, что изображала собственную персону, а это совсем не то искусство, которое может быть полезно Партии. Я должна бороться из всех сил, чтобы даже и в такой ситуации быть полезной Революции. Только это ещё и придает смысл моей жизни.»

Автопортрет в виде теуаны (Думая о Диего), 1943

«Ты хочешь убить себя, ты хочешь убить себя ужасным ножом, за которым они наблюдают. Да, это было по моей вине. Признаю, это была моя огромная вина. Огромная, как боль.»

(После попытки самоубийства)

Застрелта

с Диего

«Никогда, никогда
Я не забуду, кем ты был для
меня
Ты подобрал меня, когда я была
разбита
И ты собрал меня заново
На этой слишком маленькой
земле
На что устремить мне взгляд?
Такой бескрайний, такой глубо-
кий!
Нет больше времени. Ничего
больше нет
Мы врозь. Осталась только ре-
альность
То, что было, было навсегда.»

(8 декабря 1938, запись в дневнике в
день рождения Диего)

Портрет Диего Ривера, 1937

«Диего, дорогой мой, не забывай, что, поскольку ты закончил фреску, мы будем соединены навсегда, без ссор и прочего - просто чтобы любить друг друга очень сильно. Веди себя хорошо и делай все, что велит Эмми Лу. Я люблю тебя больше, чем когда-либо раньше. Твоя маленькая девочка Фрида (Напиши мне)»
(1940 г)

Диего впервые встречается с Фридой в 1923 году, когда по заказу министерства просвещения начинает работу над фресками для Подготовительной школы, где обучаются будущие студенты университета. Впоследствии Диего на свой лад расскажет об этой встрече, изменившей всю его жизнь и ставшей самым важным моментом в биографии Фриды.

Он работает в амфитеатре Боливера, большом актовом зале, где устраи-

ваются также концерты и театральные представления для учащихся, и вдруг за колоннами раздаётся чей-то насмешливый возглас: «Осторожно, Диего, Науи идет!» Науи Олин – одна из натурщиц Диего, её настоящее имя Кармен Мондрагон, она любовница художника Мурильо, знаменитого Доктора Атля, и сама тоже занимается живописью. Лупе Марин, женщина, с которой сейчас живет Диего, наверняка отчаянно ревнует. В другой день, когда Науи Олин позирует Диего, он снова слышит тот же насмешливый голос: «Осторожно, Диего! Лупе идет!» Однажды вечером Диего работает, стоя на верхней площадке

лесов, а Лупе Марин сидит в зале и вышивает; из-за дверей доносится какой-то говор, и вдруг появляется юная девушка, которую словно кто-то втокнул в зал.

Диего удивленно смотрит на эту «девочку лет десяти-двенадцати» (на самом деле ей было пятнадцать) в форме Подготовительной школы, но совершенно не похожую на других учащихся. «Она держалась с каким-то необычайным достоинством и уверенностью, в глазах пылал странный огонь. Её красота была красотой ре-

бенка, но грудь уже была хорошо развита» – так вспоминал об этом Диего, рассказывая свою жизнь Глэдис Марч в 1944-1957 годах²

То, что после этого вторжения Фрида и Лупе Марин встали лицом к лицу, сверля друг друга враждебными взглядами, возможно, было выдумкой. В дымке воспоминаний все делается зыбким, все подлинно и все вымышлено в этой первой встрече, когда, словно по велению судьбы, оказываются рядом девочка-дьяволенок, живая и легкая, как балерина, лукавая и серьезная, но испепеляемая жадной абсолюта, и людоед – пожиратель женщин, неистовый в работе.

В послереволюционном Мехико, где происходит столько событий и рождается столько идей, сталкиваясь и обогащая друг друга, эта встреча решит все. Она изменит всю жизнь Диего, откроет ему новую грань его личности, о которой он прежде и не догадывался, а девушку превратит в одну из самобытнейших и одареннейших художниц современной эпохи.

А значит, там, в амфитеатре Боливара, и правда случилось нечто необыкновенное, когда Фрида храбро заговорила с великаном, примостившимся на неустойчивых лесах, и попросила разрешения посмотреть, как он работает. Это выражение «достоинства», о котором он говорит, то есть по-детски прямой и решительный взгляд и очарование юной девушки, которое смущает его

чувства, уже захватили художника целиком, хотя ни он, ни она пока не осознают этого. Позже Диего поймет, как важна была эта неожиданная, не оцененная им встреча, и захочет пережить ее вновь, рассказать о ней иначе, по-своему, когда после разрыва с Лупе Марин он обретет свободу и сможет начать все заново.

В 1928 году, расписывая стены в министерстве просвещения и создавая мрачные фрески, навеянные трагическими событиями русской революции, Диего видит внизу «девушку лет восемнадцати. У нее было стройное крепкое тело, тонкие черты лица. Волосы у нее были длинные, а густые черные брови сходились у переносицы, напоминая крылья дрозда: две черные дуги над сияющими карими глазами», и он не узнает задорного ребенка, ворвавшегося к нему в амфитеатр Боливара.

Возможно, эта вторая встреча, окончательно связавшая их судьбы, прошла в несколько иных обстоятельствах, но художнику хочется рассказать о ней именно так. На сей раз кое-что изменилось. Насмешливая девчонка, чей голос раздавался из-за колонн амфитеатра, превратилась в девушку, которая за пять лет перенесла тягчайшие страдания и, в свою очередь, стала художницей. Ей не терпелось увидеть человека,

«В моей жизни было две катастрофы. Сначала я попала под автобус. А потом – под Диего.»

которым она восхищается, чьей женой она решила стать, чьих детей будет вынашивать. По-видимому, живопись для нее – это прежде всего шанс встретиться с ним, возможность снова, но еще дерзновеннее распахнуть двери амфитеатра и ворваться в жизнь своего избранника.

Такая отвага, такая неукротимая воля в столь хрупком, невесомом теле, такой огонь в завораживающем взгляде темных глаз не могут оставить Диего равнодушным. Он медленно спускается с лесов, идет ей навстречу. Он не сразу узнает ее: для него, сорокадвухлетнего мужчины, эти пять лет пролетели как один день, а для Фриды, превратившейся из подростка в женщину, они были долгими и мучительными. Затем, когда она говорит ему о своих картинах, о желании стать профессиональной художницей, его вдруг озаряет: да это та самая бесцеремонная девчонка, которая смерила ехидным взглядом его подругу Лупе Марин, уже видя в ней соперницу, которая вступила в перепалку с Лупе и сумела дать ей отпор, так что своенравная Лупе опешила и, усмехнувшись, сказала: «Ты погляди на нее! Совсем еще ребенок, а не боится такой рослой и сильной женщины, как я!»

Возможно, Диего все это выдумал, рассказывая свою жизнь как роман. Однако сейчас, пять лет спустя, Лупе Марин уже нет рядом с ним. Он хочет быть свободным. И Фрида знает об этом, знает, что теперь сможет заморозить его своим взглядом, сможет принадлежать ему.

Когда она видится с ним во второй раз, во время работы над фресками

в министерстве просвещения (или, что правдоподобнее, у итальянки-фотографа Тины Модотти, как позднее рассказывала сама Фрида), это зрелый, много повидавший в жизни мужчина. Огромного роста, массивный – Фрида в насмешку называет его «слоном», – он больше чем вдвое старше ее (ему сорок два!), уже дважды был женат, у него четверо детей: сын от Ангелины, дочь от любовницы Моревны – Марика, которую он так и не захотел признать, утверждая, что она – «дитя Перемирия», то есть всеобщего ликования по случаю окончания войны, и две дочери от Лупе Марин.

**«Диего – начало
Диего – создатель
Диего – мое дитя
Диего – мой суженый
Диего – художник
Диего – мой любовник
Диего – мой муж
Диего – мой друг
Диего – моя мать
Диего – мой отец
Диего – мой сын
Диего – я
Диего – вселенная
Разнообразие единого.**

**Но почему я говорю МОЙ
Диего? Он никогда не будет
моим, он принадлежит
лишь самому себе»**

(из дневника Фриды)

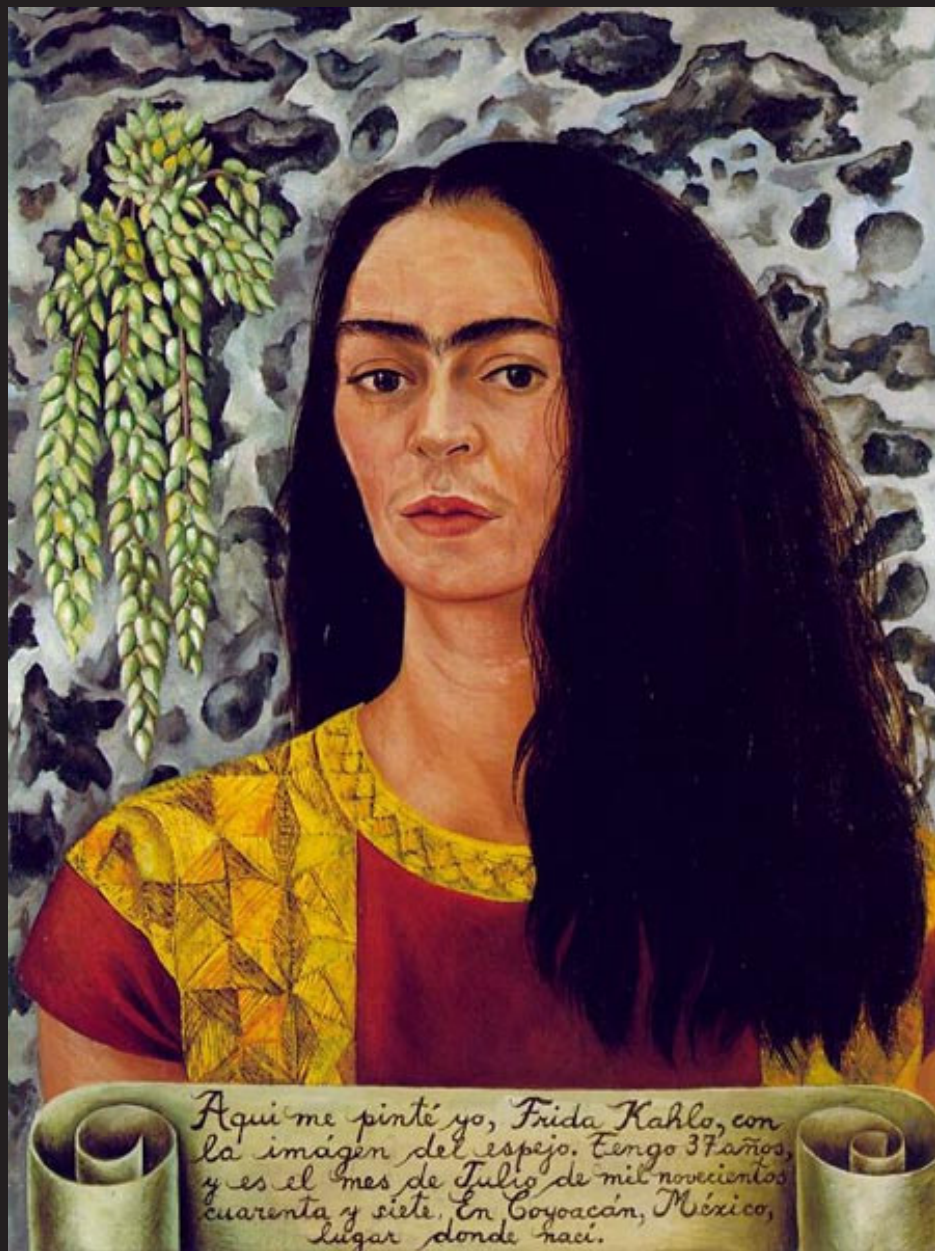
Жизнь **Вопль**

«Я никогда не приму денег ни от одного мужчины, пока я жива»

«Одно время я одевалась как мальчик, с бритой головой, в брюках, ботинках и кожаной куртке. Но когда я отправилась на свидание с Диего, я надела теуанский костюм»

«Мне не слишком нравятся иностранцы. Они скучные, и у всех у них лица как непропеченные булочки (особенно у старых женщин)»

(из записей Фриды)

Автопортрет с распущенными волосами, 1947

Художница часто рисовала себя как бы раздвоившейся на два начала - женское и мужское, живое и мертвое, счастливое и несчастное.

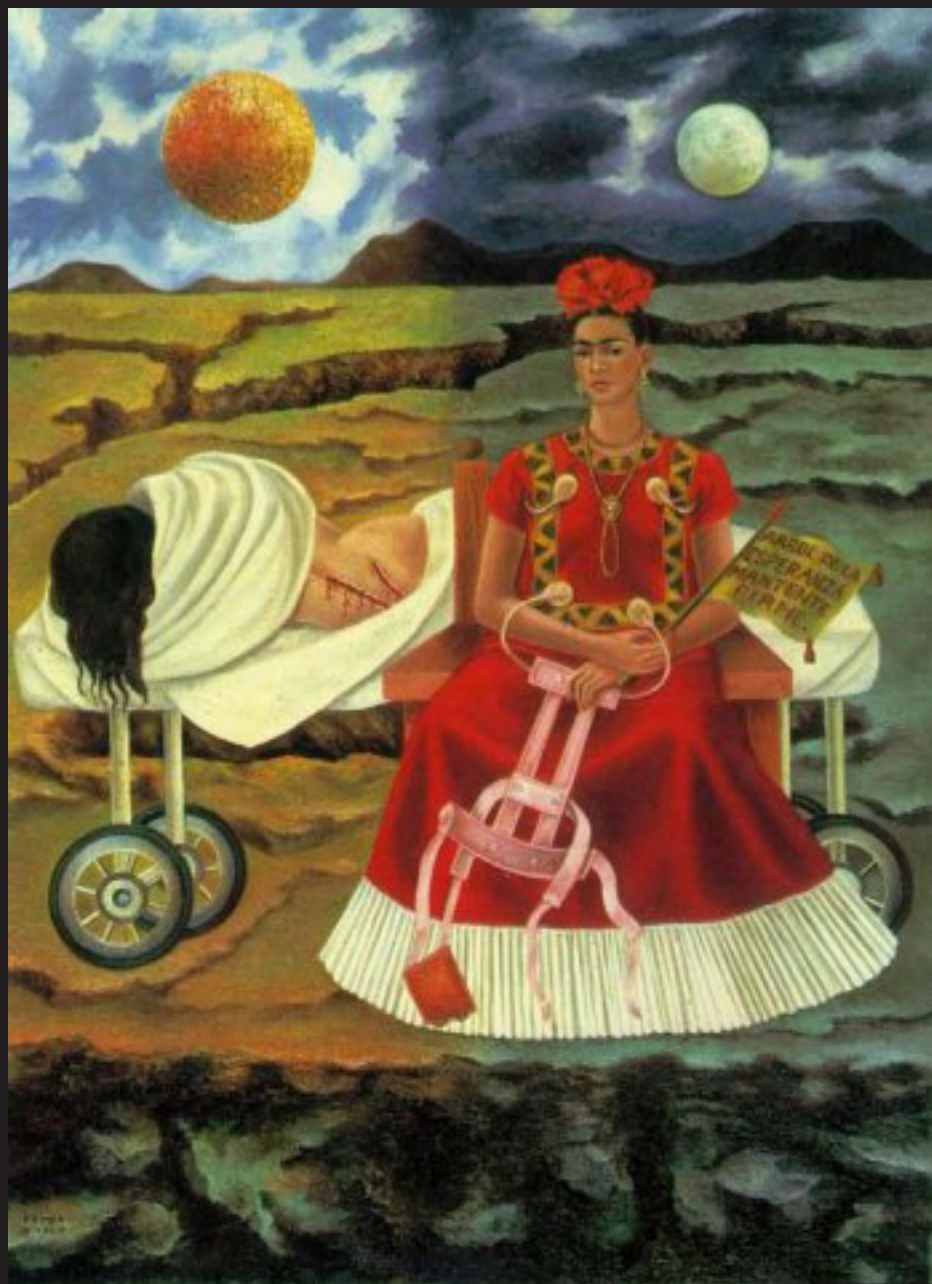
Картины Фриды рассеялись по миру, по частным коллекциям и музеям. Много ее работ осело в Америке, не только в Мексике.

Её картины пронзительно отличаются от привычных иллюстраций - выпуклостью, блеском и жизнью.

Некоторые комнаты отданы под выставочные (в основном фото, письма, но есть и картины), а некоторые, например мастерская и корридор, где последние месяцы стояла ее кровать, остались нетронутыми. До дрожи в руках поражают вещи: кисти, недописанные картины, гипс, посуда, медицинские принадлежности... Кажется, все, до чего она дотрагивалась, немедленно обретало душу и ... Как

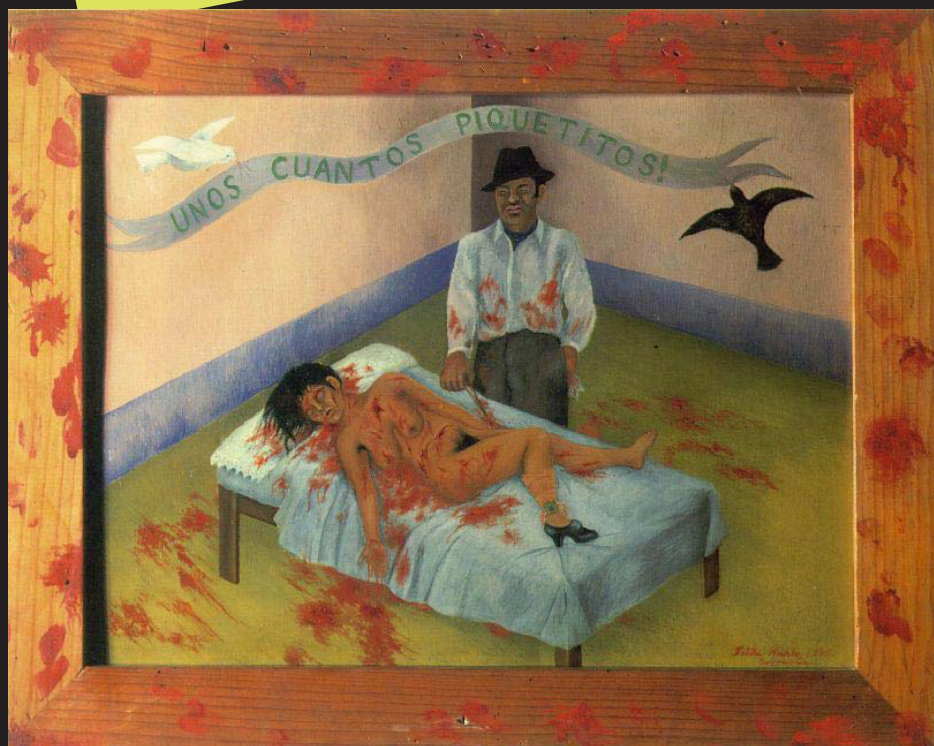
Две Фриды, 1939

Дерево надежды, 1946

Таких женщин, как Фрида, он никогда не встречал, хотя романов у него было множество, и женат он был уже дважды – на русской Ангелине Беловой и мексиканке Лупе Марин. У Диего было четверо детей, среди них и дочь еще от одной русской – художницы Марии Воробьевой-Стебельской, которую все звали Маревна. Во Фриде Ривере поразили ее своеобразная красота, недетский ум и необыкновенное жизнелюбие. Он и представить не мог, сколько страданий выпало на долю этой 19-летней девушки.

будто она пыталась переделать предметы вокруг – дорисовывала что-то, подписывала, приклеивала разные части. Много картин посвящено её мужу – Диего Ривере и их отношениям, временами счастливым временами трагичным.

Несколько маленьких укусов, 1935

Фрида Кало и Диего Ривера, 1931

Тяжелые годы

В 1950 году состояние художницы резко ухудшилось. Ее положили в больницу, где она провела год, закованная в корсет. За это время ей сделали семь операций. Ривера был потрясен мужеством, с каким его жена

терпела страшные боли, и как мог скрашивал ее существование. Их друзья вспоминали, как Ди-

«Никто никогда не поймет, как я люблю его, - написала Фрида в дневнике. - Я хочу лишь одного: чтобы его никто не ранил и не мешал жить так, как ему нравится. Если бы я обладала здоровьем, я его все целиком отдала бы Диего».

(из дневника художницы)

его, отказавшись от всех заказов, трогательно ухаживал за Фридой, пел ей и танцевал вокруг ее больной кровати. Он с упоением рассказывал ей о себе смешные небылицы, которые всегда был мастер сочинять. Фрида была счастлива. Забыв о боли, она расписала стены палаты, подражая монументальной живописи Риверы.

Отныне она могла передвигаться только в инвалидной коляске. Когда в 1953 году в Мехико, в Музее современного искусства, открылась ее первая большая выставка, она уже не вставала с по-

сте-
ли.
Но
она
так
долго
мечтала
об
этой
выставке,
что
решила
обязательно
быть
на
ее
открытии.
Тысячи
восхищенных
почитателей
ее
таланта,
собравшиеся
в
музее,
оvationей
приветствовали
свою
любимую,
которую
са-

нитары вынесли из машины «скорой помощи» и положили на празднично украшенную кровать. «И я теперь знаменитость, не только все в этом мире Ривере!» - шутила она.

В этом же году ей ампутировали до колена правую ногу – началась гангрена. «С присущим ей мужеством, - вспоминал Ривера в автобиографии, - она, узнав о гангрене, потребовала произвести ампутацию как можно быстрее. Это была ее четырнадцатая операция за шестнадцать лет. После операции мне часто звонила медсестра, которая за ней ухаживала: «Фрида рыдает и говорит, что хочет умереть». Я немедленно бросал работу и мчался к ней, чтобы утешить. В конце концов пришлось установить круглосуточное дежурство».

Она не ожидала от Риверы такой преданности. Ее Диего как и прежде был только ее! 13 июля 1954 года Фрида умерла во сне, как бывает с очень счастливыми и хорошими людьми. Ей было 47 лет. И только шесть из них она прожила без боли. Последняя запись в дневнике Фриды Кало такая: «Я с радостью жду ухода и надеюсь, что уже никогда не вернусь».

Гроб с ее телом установили во Дворце изящных искусств Мехико и покрыли его знаменем Коммунистической партии Мексики. Кто-то сказал, что такова была ее воля. Но выяснилось, что ни о чем таком она не говорила. В последние годы она разочаровалась в политике. Она просила лишь, чтобы после кремации мешочек с прахом, по древнему индейскому обычаю, поместили в ее комнате в «Синем доме».

Ривера тяжело переживал потерю Фриды. Он надолго перестал работать, запил. Сестра Диего, Мария дель Пилар, в своих мемуарах написала, что Фрида, умирая, позвала к себе давнюю помощницу и агента Риверы, Эмму Уртадо, и та обещала ей, что после смерти Фриды она выйдет за Диего замуж и будет заботиться о нем. Фрида знала, что Диего не сможет без женщин. Через год после смерти художницы, в 1955 году, Диего и Эмма, как и просила Фрида, поженились.

Фрида как будто бы предугадала, что будет с ее Диего. Он действительно не смог бы обойтись без забот Эммы – врачи обнаружили у него рак. Его лечили в СССР, но безуспешно. Знаменитый мексиканский художник умер 24 ноября 1957 года. Последним его желанием было, чтобы его кремировали и прах смешали с прахом Фриды, однако его просьбу не выполнили.

Оставшееся на память

Молчаливая жизнь...
дающая миры.
Раненый олень.
Одежды теуаны.
Лучи солнца,
скрытые ритмы.
« Маленькая девочка Мариана».
Фрукты, которые совсем живые.
Смерть сохраняет их на расстоя-
нии-
линии, формы, гнезда.
Руки строят,
открытые глаза
многих Диего, полные чувств.
Все слезы-
все очень чистые.
Космические правды,
которые живут беззвучно.

Дерево надежды
стоит прямо.

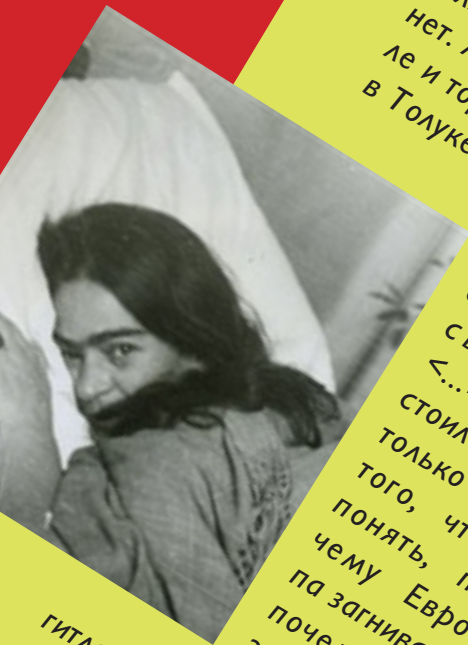
Спокойно , боль.
Громче, страдание,
накопившее яд.
Любовь оставила меня.
Теперь я в странном мире-
заговор молчания
или настороженных чужих глаз,
ошибок дьяволов.

Мрачно днем,
ночами я не живу.
Ты убиваешь себя
отвратительным ножом
тех, кто наблюдает за тобой.
Разве это мой проступок?
Я принимаю свою великую вину,
Это было огромным выходом,
через который я прошла, моя
любовь.
Очень тихий выход,
который приблизил мою смерть.
Я смогла настолько забыть,ся,
что это было моей самой большой
удачей.
Ты убиваешь себя!!
ТЫ УБИВАЕШЬ СЕБЯ.
Есть те, кто никогда не забудет
тебя,
Я принимаю их сильную руку.
Я - здесь , поэтому они будут жить.

(из дневника Фриды)

Я надеюсь, что уход радостен, - и я надеюсь,
что никогда не вернусь обратно.

Фрида Кало

«Не могу больше вы-
носить этих чертовых ин-
теллектуалов. Сил моих
нет. Лучше сидеть на зем-
ле и торговать лепешками
в Толуке, чем иметь дело

с парижской
«художественной»
сволочью.

<...> Сюда
стоило ехать
только ради
того, чтобы
понять, по-
чему Евро-
па загнивает,
почему все
эти бездарно-
сти породили

гитлеров и муссолини.»

«Ты хочешь убить
себя, ты хочешь
убить себя но-

ужасным ко-
жом, за кото-
рым они на-

блюдают.
Да, это было
моей

по-
вине.
Да, это была моя

Признаю, это была моя
огромная вина.

(После попытки самоубийства)